

40 человек. И конечно, не было среди них тогда ни машинистов тепловозов, ни машинистов экскаваторов, потому что не было ни тепловозов, ни экскаваторов, ни врубных, ни очистных машин — только кирка и лопата. А Жамьяншараз — машинист тепловоза. Ему 31 год. Он учился на курсах Шарынгольского учебного комбината. Преподавали на них советские специалисты. Теперь преподают монголы. Мог бы вести занятия и сам Жамьяншараз, у него хорошие теоретические знания, большой опыт. Но он любит свою профессию, получает 750—800 тугриков в месяц. Это высокий заработок. Да и специальность ему очень нравится — зачем ее менять?..

— Подождите, товарищ корреспондент, надо подвинуть поезд еще на платформу вперед...

Гудок, лязг буферов. Через несколько минут продолжаем разговор.

— Да, да, и специальность хорошая, и бригада слаженная, сработавшаяся: восемь человек в три смены.

С семьей как дела? Как у всех в его возрасте. Женат, женился здесь, на Шарынголе. Но на землячке. Из Дзунхари. В Дзунхаре в одной школе учились. А на Шарынголе вот встретились спустя несколько лет. Жена медсестрой работает в больнице. Трое детей. Родители? Отец остался дома на своем аратском хозяйстве. С ним живет сестра Жамьяншарава. Надо же кому-то быть с отцом!

...Раздается свисток, на этот раз прощальный. Все платформы загружены за каких-нибудь 20 минут. Жамьяншараз машет нам рукой, поезд уходит.

Ну вот, теперь передышка и у экскаваторщика Цэрэндоржа. Пока поезд разгрузится и вернется порожняком, он может поговорить с нами. О Цэрэндорже мы многое знали еще до встречи с ним: он человек известный по всей стране, Герой труда МНР. Познакомились мы с ним случайно — увидели его портрет в стенгазете: пристально глядящие глаза, сильный берет.

Из будки к нам спустился высокий человек в комбинезоне, в том же синем, низко надвинутом на лоб берете.

Его биография — биография рабочего класса Монголии. Отец и мать были араты, сестра и сейчас работает табунщиком в сельскохозяйственном объединении. А старший брат — тоже на Шарынголе, слесарь. Работает уже давно, с тех пор как вагоноремонтное депо открылось, на стоящая рабочая косточка. Сын брата, старший, — помощник машиниста экскаватора, он в другой смене, а младший, Даваа-Сурэн, работает с Цэрэндоржем — вот он, знакомьтесь. Из окна будки экскаватора выглянуло молодое улыбающееся лицо. Парень приветственно махнул рукой, но остался в кабине. Правда, поезд

на погрузку не вернулся, работы не было, но и машину без присмотра оставлять не годится.

— Вот вам и рабочая династия. Это новое явление для Монголии, — заметил мой спутник Сандага, монгольский писатель, автор нескольких повестей о рабочем классе.

— Дело не только в этом, — замечает Цэрэндорж, — дело в изменении характера монгола. Задавленный, обреченный догмами ламаизма на покорность судьбе и Будде, пассивный, опутанный предрассудками, забитый, он сейчас стал активным, динамичным членом общества, непрерывно идущего вперед.

— Вы знаете, — продолжает машинист экскаватора, — по законам ламаистской религии, господствовавшей в нашей стране до революции, да и много лет после нее, человек не имел права нарушать целостность земли и ее недр. Тревожить землю — значит совершать великий грех перед Вездесущим. А мы, — Цэрэндорж, усмехнувшись, повел рукой по всему простору плато, на котором раскинулся угольный карьер, — вон как эту священную землю разрыли...

Я слушаю рассуждения Цэрэндоржа и, признаюсь, не сразу схватываю широту его обобщений. Он чувствует это, смотрит вперед — нет, поезд еще далеко — и поясняет:

— Монгол стал человеком высокой активности. Он многого хочет и многого добивается. Примеры? Да я сам пример. Вот случай недельной давности. Понимаете, производительность труда на карьере — моя и моих товарищей — зависит от этих вот вагонов, от железнодорожных платформ-бункеров, которые снова скоро придут на карьер, и тогда я с вами попрошаюсь, потому что работа ждать не может. Можно сколько угодно добывать угля, но если нет вагонов, он, этот уголь, так и останется в карьере. И не будет служить людям, не будет гореть в топках Дарханской теплоэлектроцентрали, в котельных жилых домов нового города. Верно ведь? Вот так и я подумал, когда у нас начались перебои с подачей вагонов. Мы их отправляем в Дархан — это новый большой промышленный центр — с углем на цементный, на силикатный и другие заводы, на ТЭЦ. А там они задерживаются. Тогда что я делаю — я, рядовой рабочий, не начальник, машинист экскаватора? В перерыве между сменами я еду в Дархан. Иду к администрации цементного завода, иду на ТЭЦ, на силикатный завод. И говорю: почему я здесь хожу по кабинетам, вместо того чтобы уголек добывать и грузить? Потому что грузить некуда, потому что вагоны — здесь, на подъездных путях ТЭЦ, цементного, силикатного заводов. Одним словом, я, как машинист экскаватора, объясняю директору предприятия, что означает простой ваго-

нов для меня лично, для шахтеров Шарынгольского в частности, для нашего государства в целом.

— У тот день я вернул на карьер 195 вагонов. А теперь на цементном, на силикатном заводах, на ТЭЦ сами рабочие контрольные посты установили и следят, чтобы вагоны не задерживались под выгрузкой и возвращались к нам, на Шарынгол. Чтобы оборот вагонов ускорился. Понимаете?

Раздался протяжный свисток, и там, где стенка карьера круто изгибается, показались бункер, за ним другой, третий — состав снова пришел на погрузку.

— Мне пора! — поднялся Цэрэндорж.

Экскаватор заурчал мотором, закрежтел гусеницами. Кубовый ковш навис над угольным пластом, тысячами искр мерцавшим под лучами солнца.

ВСЕМ КЛАССОМ — НА ШАХТУ

С уступа, на котором работал Цэрэндорж, мы спустились в котлован. Там гудел другой экскаватор. Не было железнодорожной колеи, не было тепловоза и платформ. Один за другим сюда подходили грузовики, и молодой машинист с перепачканным в угольную пыль лицом и ровным рядом белых зубов, ловко действуя рычагами, за несколько приемов нагружал доверху кузов машины.

Она уходила, на ее место становилась другая, и операция повторялась. Много раз грузовики сменяли друг друга, пока экскаваторщик не объявил «законный перекур». Вот тогда мы и побеседовали.

В котловане работал Очир — один из членов ревсомольской бригады известного на карьере чемпиона производства Суурия. Он здесь уже восьмой год. Рассказывает о себе и товарищах охотно и обстоятельно.

— Что такое чемпион? О, на Шарынгольском карьере, на фабриках и заводах и даже на бытовых предприятиях Дархана, да и по всей Монголии в ходу спортивные термины «чемпион», «рекордсмен». Так называют людей, добившихся наиболее высокой производительности труда, — лучших экскаваторщиков, механиков, слесарей. Цэрэндорж, например, рекордсмен производства, Суурий — чемпион шахтоуправления. О нем даже плакат специальный выпустили с портретом.

Как Очир стал машинистом? Это же теперь обычное дело — выучился в учебном комбинате при шахтоуправлении. А вот как он, сын скопщика из дальнего аймака, оказался на Шарынголе — это целая история. Чтобы попасть сюда, Очир пересек

всю страну с юго-запада на север, проделал полторы тысячи километров. Сейчас он — машинист экскаватора, был и машинистом тепловоза, имеет еще несколько специальностей, передовик производства, награжден Золотой звездой ревсомола. Кем до этого был? Учащимся, учеником десятого класса боянгольской средней школы. Боянгол — это местность на юго-западе страны. Приехал не один, а вместе с другими ребятами — выпускниками школы. А всех втянул в поездку Суурь. Кто такой Суурь? Да ведь только что говорили о нем! Суурь — бригадир ревсомольской бригады, депутат Великого народного хурала, чемпион всего Шарынгольского разреза и его, Очира, школьный товарищ и ровесник.

Суурь и «подбил» поехать сюда учеников десятого класса. Он в школе был — как это говорят по-русски, «заходила», да? Он-то первым и прочитал в газете, что на шахту в Шарынголе требуется молодежь. Газетный номер со статьей «Там, где строится угольная база Родины» обошел всех мальчишек класса. Одним словом, в аймачный комитет ревсомола пришло 13 ребят.

— Зачем пожаловали к нам? — спросил ревсомольский секретарь. Суурь объяснил. Секретарь выслушал его внимательно. Потом сказал:

— Вот что, друзья, заканчивайте пока школу, сдадите успешно экзамены, придете за ревсомольскими путевками.

Ну а потом все шло своим порядком: написали заявление в дирекцию, заявление отправили в аймачный комитет ревсомола, оттуда в министерство...

— На Шарынгол поехали десять человек. Кто они? Кем работают? Это вам Суурь расскажет. Он и лучше все знает, и дома сейчас — на отдыхе. А мне, извините меня, уже некогда — вон машина подходит. Конеч «перекуру».

В рабочий поселок к Суурю мы попали не сразу. Двигаясь вслед за грузовиками, подъехали к эстакаде, что была переброшена через железнодорожные пути. Уголь транспортерами подавался вверх, в специальную камеру, дробился там и сбрасывался из бункера в открытые вагоны. Состав уходил. Здесь, у эстакады, Сандага неожиданно встретил товарища, с которым в юности работал на шахте Налайха под Улан-Батором. Он нам продемонстрировал всю «технология» обработки и транспортировки угля.

Потом направились в шахтерскую столовую. Она меня, человека, помнящего Монголию 30-х годов, очень порадовала. В то время это была бы юрта, посреди нее очаг, топящийся аргалом, котел или чайник над ним — вот и все. А тут несколько за-

лов с уютной, чистой, по-современному оборудованной электрической кухней, буфетом и холодильниками, сверкающими лаком и металлом. Из пластика и алюминия были столики и стулья в двух залах.

Щегольская чистота, рабочие в аккуратных комбинезонах, деловито выбирающие себе блюда, отличные картины на стенах...

Еще более резкие перемены в монгольском быте я увидел в доме Суурия.

У СУУРИЯ

Шахтерский поселок состоял из нескольких кварталов добротных четырехэтажных домов. Мы поднялись на третий этаж. Дверь открыл сам хозяин — худощавый парень в красной «водолазке», с густой шевелюрой, зачесанной набок. Суурь оказался намного моложе, чем мы ожидали.

В большой, светлой и теплой двухкомнатной квартире все располагало к неторопливой и обстоятельной беседе.

...Шахтерами, разумеется, стали не сразу. Учились на курсах машинистов экскаваторов. Преподávalи русские специалисты. После курсов работали сначала помощниками у советского рабочего — у Анатолия Дмитриевича Токмакова. Учились не только управлять механизмами, но и собирать и разбирать их узлы, самостоятельно выполнять несложный ремонт. Потом пошли в смену, где машинистами были монгольские товарищи. Ой и нелегко же пришлось вначале! Это вот теперь о нем, Сууре, как о передовике производства листовки везде расклеены: учитесь у Суурия, лучшего машиниста «ЭК-14». А зимой 1967 года, когда он только начинал работать, ему крепко доставалось. Один случай, происшедший семь лет назад, помнит, словно вчера это было...

Зима, 40-градусный мороз, 12 часов ночи. Уже заканчивал смену, и вдруг оборвался трос. На таком морозе и железо, как стекло, ломается, особенно, если скрытый дефект есть. Пальцы деревенеют, гаечный ключ срывается в темноте. А главное, на выков еще нет — ведь только начал работать. Конечно, можно оставить машину утренней смене. Она устранил поломку. Но ведь несколько часов дневного рабочего времени уйдет на ремонт! И решил Суурь: из карьера не уйдет, но утренней смене машину сдаст исправной. Всю ночь провозился, сбил пальцы, но к восьми утра дефект устранил...

Так, в работе, учился он и его товарищи, год за годом. Зато все они — передовики, или, как на шахте говорят, чемпионы производства. — Все?

— Все, кто остался на карьере, даже Золотые звезды ревсомола по-

лучили. Теперь нас пятеро работает. Остальные? Один в армии служит, остальные поехали учиться в Советский Союз. Трое — в Иркутск, один — в Кемерово. Все возвратятся на угольный комбинат. Но уже будут инженерами и техниками.

— Выходит, вас товарищи опередают?

— Этого я не знаю. Ведь и я времени не теряю, работаю и учусь.

Суурь показывает взглядом на этажерку, тесно заставленную книгами на монгольском и русском языках: специальная техническая литература: различные учебники, справочники, альбомы. И тут же музыкальные инструменты, хрестоматия педагогического репертуара для баяна.

Еще когда входили в квартиру, мы невольно обратили внимание на многочисленные музыкальные инструменты — гармонь, саксофон, гитару, — на несколько транзисторных приемников. Оказывается, музыка — увлечение Суурия. Впрочем, не единственное. На шкафу фотоаппарат, увеличитель, ванночки и прочие фотопринадлежности. На полке — русские книги по фотографии.

И везде — в шкафу, на подоконниках, на стульях — томики художественной литературы. В поселковый книжный магазин Суурь заходит часто. Покупает книги монгольских и русских писателей. Он постоянно совершенствуется в русском языке. Наша беседа идет без помощи переводчика.

Возвращается с работы жена Суурия — 20-летняя Дашдалам, приводит из яслей маленькую дочку. Дашдалам работает электриком на подстанции. Я спрашиваю, не трудно ли ей справляться с дочкой, с домом, с хозяйством, с работой.

Дашдалам качает головой:

— Один ребенок, да и тот в яслях, — что трудного. Вон у других по семь-восемь детей и то не жалуются. А за домом мы следим вместе с Суурем, помогаем друг другу. Да и дом — не юрта, где ни водопровода, ни центрального отопления, ни газа, ни электричества не было. Наши родители в аиле всего этого не знали. Как же нам не держать дом в порядке!

В комнатах, действительно, очень опрятно. Хорошая мебель — шкафы, трюмо, чемоданы — традиционной нарядной горкой: в последнее время Суурю приходится ездить по республике.

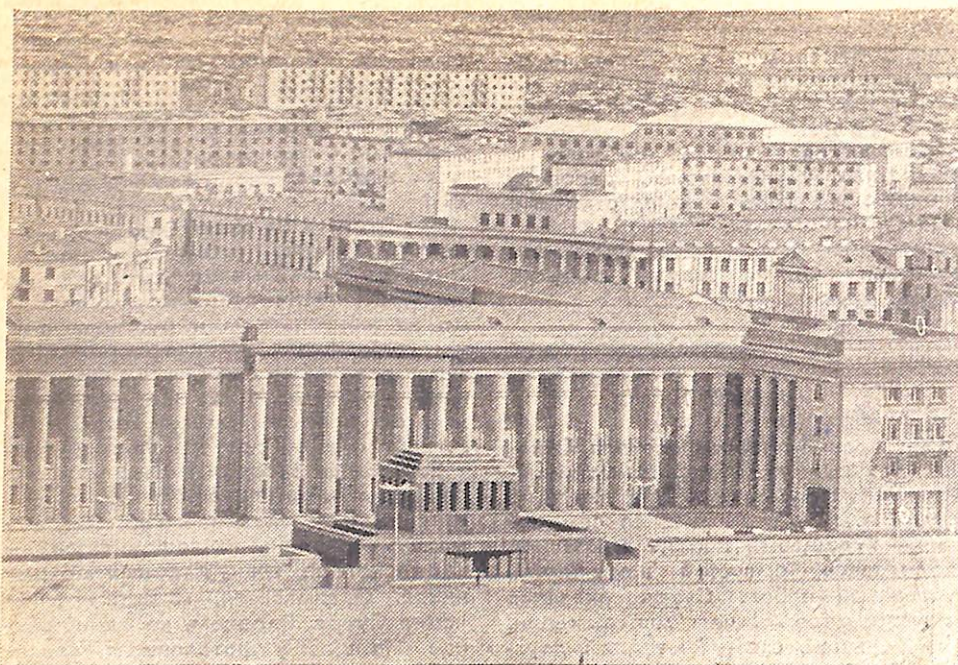
Последний вопрос — о бюджете семьи. Дашдалам улыбается:

— Суурь зарабатывает 800 тугриков, я около 500 тугриков. Вполне хватает.

Сандага шутливо подводит итог: — При таком бюджете можно бы еще детей иметь.

— И будут, — серьезно говорит Дашдалам. — Мы же молодые.

X

Улан-Батор. Дом правительства. Перед зданием на площади мавзолей-усыпальница Д. Сухэ-Батора и Х. Чойбалсана.

На многочисленных международных ярмарках и выставках продукция улан-баторской ковровой фабрики неизменно получала высокую оценку.

Бесстрашный наездник — юный житель поселка Улан-Ула, где, как и во всем Хубсугульском аймаке, широко развито оленеводство.

НАРОДНОЙ МОНГОЛИИ - 50 ЛЕТ

Фото ТАСС

Музей монгольской народной революции в Улан-Баторе.

В каждом городе Народной Монголии действует телефонная сеть. На снимке: На телефонном узле в Дархане, построенном при технической помощи СССР.

Учащиеся улан-баторского музыкально-хореографического училища — лауреаты X Всемирного фестиваля молодежи в Берлине.

Овцеводство — важная отрасль народного хозяйства республики.

Новые образцы монгольских национальных костюмов, созданные художниками и модельерами улан-баторского Дома моделей.

